

Анатолий Побаченко

«Каменная чаша» Петра Драверта

Пётр Драверт стал одной из виднейших фигур научного и культурного строительства в Сибири. К нему тянулось множество разнообразных людей. Омские пионеры, открыв безымянное озеро, нарекли его именем Драверта. Из литераторов, именитых и начинающих, его хорошо знали и почитали Антон Сорокин, Вивиан Итин, Леонид Мартынов, Сергей Марков. Многие годы он провёл в Омске, был профессором сельскохозяйственного института, вёл огромную краеведческую и исследовательскую работу. Мерцающие красками минералы, огромная тунгусская стрела вместе с самострелом, бубен шамана, бивень мамонта и полчища книг бросались в глаза тем, кто заходил в рабочую комнату этого чернобородого, невысокого роста, очень подвижного человека.

В свою поездку в Сибирь в 20-годах узнал о Драверте А. В. Луначарский – ему нравилось дравертовское стихотворение «От моей юрты до твоей юрты». Поэт Георгий Суворов, сражаясь в Великую Отечественную войну на ленинградском фронте, где он и погиб, писал Драверту из окопов при воспоминании о стихотворении «Ягоды тундры»: «Передо мной морошка, та, которой я был не раз пьян, читая Ваши стихи».

Лишь по одному этому стихотворению Драверта – «Ягоды тундры» – можно ощутить, как глубоко и преданно любит поэт Сибирь. Он писал о «стране холодной, но живой» («Сибирь»):

*Твоим горам – мои молитвы,
Снегам равнин – печаль моя;
Ни в снах любви, ни в буре битвы
Тебя забыть не в силах я...*

*В твоих реках – мои стремленья,
В твоей тайге – моя душа.
Ведёт меня тропа оленья,
И манят звоны камыша...*

*... Лучась на сопках охлажденных,
Гори, небес полярных ширь.
Сквози в строках, тобой рожденных,
Моя великая Сибирь!*

Большая любовь к Сибири звучит во всех стихах поэта, проходит через его творчество основным мотивом. Научные знания Драверта расширяли горизонт его поэтического взгляда, позволяли проникнуть в глубь явления, вплоть до космических высот. Пейзажи его всегда точны и вдохновенны, (не столь мрачны как у Н. Чижова, П. Якубовича-Мельшина):

*И снова над водами рек и озер
Кора и броня ледяная,
И бледной лазури высокий шатер,
И холода жгучесть стальная...*

«Возвращение»

*Пусть так. Но верю я: в налеты перламутра
Зеленых зыбких вод метнет свои лучи*

*Пурпурною зарей алеющее утро;
И в льдинах оживут замерзшие ключи,
И встанет юный день, свивая дым тумана
Над беспредельною равниной Океана.*

«У Ледовитого океана»

Научные сведения не просто изложены, но слиты органично с поэтической стихией произведения, озарены непреходящей любовью автора.

В 1909 году под псевдонимом «Гектор Д.» вышла отдельной книгой первая часть его фантастической «Повести о мамонте и ледниковом человеке». К фантастике можно отнести и некоторые стихотворения П. Драверта: «В волнах эфира» (1904), «Свершивший» (1904), «Поэт и смерть» (1908).

В своих стихах он не только лирик, но поэт-философ, общественный деятель, знаток культуры народов Сибири. Он и сам стал, по сути, сибирской легендой. Его неугасимая энергия, целеустремлённость, особый характер, своеобразная личность как никогда интересны и сегодня. О нём сибиряками уже создано несколько книг, он является почти неизменным персонажем мемуарных произведений писателей, выросших в Сибири. Оригинальность, поэтический талант высоко оценены русской литературой.

Пейзажная лирика, социальные мотивы составляют основной пафос многих стихов. Вместе с этим он хорошо понимал роль поэта, значение труда учёного. Где бы ни был ты, в Барабинской степи, в аиле Колташ Бийского уезда, на Вилюе или на Лене, «в ответ на скорбь и боль», через «гиблые места» творец заповедовал соратникам искать и «в жилах Сен-Готтарда» «свою слюду»:

*Брат, рожденный в степях – у подножья
Озаренных денницею гор!*

*Пусть не гаснет в тебе искра божия,
Дай в груди ей широкий простор.*

*Будь с душою, открытой для вечности,
Для высоких и светлых идей,
Но, витая умом в бесконечности,
Жизнь отдай для живущих людей.*
«Непорочные чаши»

В стихотворении «Колымские термы» (1910 г.), говоря о высотах, где «сполохов чеканятся мечи», «о неусыпности гигантского пожара // В недостигаемой подземной глубине», Драверт обращается и к будущим художникам слова:

*Мой брат – поэт! В толпе холодной и бесстрастной
Борись, чтоб не угас костер твоей души,
И пусть пылает он, мятежный и прекрасный,
Средь мрака пошлости и в мертвенной тиши.*

*Пусть трепетный родник святого вдохновенья
В твоей груди кипит, волнуется и бьёт.
Иди, иди вперёд в лучистости стремленья
И разрушай сердца сковавший лёд.*

Драверта не зря называли «охотником за метеоритами». Он пристально следил за каждым известием о падении метеорита на огромной территории Сибири. И сразу же, прослышав о новом случае, отправлялся в путь, чтобы всё исследовать на месте. При скудности средств, отпускаемых на науку, это было не так уж просто и требовало самоотверженности. Во время войны, в 1944 году, Драверт выпускает в Омске книжечку под названием «Метеориты, наблюдение за их падением и их поиски». Учёный заботился о том, чтобы ни один вестник из космоса, даже в малом осколке, не пропал

для науки. Ведь метеорит рассказывает нам о космических лучах, о происхождении планет, о жизни во Вселенной. В омской книжке Драверт пишет: «При распашке колхозных полей могут кое-где обнаружиться метеориты, выпавшие зимой и поздней осенью прошлого года. А там, где плуг будет проходить впервые, по целине, могут встретиться и давно упавшие космические камни. Это следует иметь в виду всем товарищам трактористам».

Блестящий учёный, исследователь, краевед, Пётр Людовикович был действительно незаурядной личностью. Его студенты отмечали, что лекции Драверта всегда хорошо запомнились благодаря их яркости и доходчивости. Он умел собрать вокруг себя людей увлечённых, беззаветно преданных своему делу. Круг его интересов был необыкновенно широк. Петра Людовиковича знали не только как учёного, но и как автора самобытных стихов и пьес. Он принимал активное участие в литературной жизни города, являлся членом Омского областного литературного объединения. В 1944 году общественность отмечала сорокалетний юбилей творческой деятельности Драверта. Ему посвятили большую статью в четвёртом выпуске «Омского альманаха», организовали вечер творчества. Сам же Пётр Людовикович по этому поводу скромно писал, что не считает себя поэтом-профессионалом.

Книги стихов Петра Драверта не раз выходили в советское время при жизни поэта, выходят они и ныне, после его смерти. Существует немодное сейчас понятие: «научная поэзия». Начало положил Ломоносов, продолжал Брюсов. Кое-кто был склонен причислять к ней и Драверта. Лучшие его стихотворения не могут не тронуть сердца поклонников поэтического искусства. Во всяком случае, из многих учёных, писавших стихи, наиболее значительным нельзя не признать Драверта. А сосредоточенность на теме Севера, Сибири и

Земли в широком смысле этих слов только придаёт поэзии Драверга самостоятельное и цельное лицо. Сергей Марков дал превосходное по образности и характеру её материи определение: «Поэзия Драверга – это каменная чаша, наполненная хрустальной горной водой».

Активнейшая пора научной деятельности связана с Омском, в 1918–1940 годах он работал в высших учебных заведениях города. Много лет – в аграрном, сейчас это ОмГАУ им. П. А. Столыпина. О нём вспоминает Г. Ф. Дружинин, поэт и писатель: «Он любил повторять, что Омск – его город, который всегда привлекал к себе многих, что здесь побывали в своё время и известный путешественник Гумбольдт, и автор книги «Жизнь животных» Брем, наши исследователи Азии Пржевальский, Козлов и Потанин. Что в Омске родился гениальный Врубель... А в Кадетском корпусе учились Валериан Куйбышев и Чокан Валиханов... Пётр Людовикович мог часами рассказывать вам обо всём этом, как завзятый старожил Омска. И молодым блеском загорались эти глаза, и любовь к жизни и всему живому была в них».

Иванов В. К., поэт, учёный-метеоролог, климатолог Сибири вспоминал: «Шумными овациями встретили студенты... Драверга, который читал на вечере свои стихи. Порывистые движения, высоко поднятая голова с непокорными волосами, блестящие глаза, мудрое лукавство губ, оттеняемое небольшой кудрявой бородкой, весь в каком-то устремлении, словно в полёте – необычайный, особенный... Своеобразное, оригинальное чтение стихов: чёткое произношение – артикуляция звука, как будто излишне резко, подчёркнуто быстро летящие слова создавали особую музыку. Читал стихи Пётр Людовикович на столе. Эта манера... была обычной для поэта»,

Рассказывают, что однажды профессор Пётр Людовикович Драверт выступал в Омске с публичной лекцией и много го-

ворил о своём друге, известном исследователе Тунгусского метеорита Л.А. Кулике, к тому времени, к концу войны, уже погибшем в фашистском плену. Один из слушателей, научный работник, возражал Драверту, безапелляционно утверждая, что никакого метеорита в Тунгусской тайге не падало, что всё это фантазии Кулика, а в действительности произошёл в тайге большой ветровал. Услышав это, Драверт покраснел, замялся и после секундной паузы гневно заявил: «Я вызываю вас на дуэль!» И все знали, что Драверт никак не отступит от своего слова; пришлось улаживать дело дипломатическими способами.

Таков был этот энтузиаст науки, «охотник за метеоритами», геолог, ботаник, автор около семисот научных и научно-популярных трудов и статей, организатор и участник пятидесяти научных экспедиций по Сибири, Уралу, Казахстану. И замечательный поэт, один из тех, кого можно назвать основоположником сибирского течения, сибирской струи в русской поэзии. Ещё в 1921 году П. Л. Драверт по просьбе академиков В. И. Вернадского и А. Е. Ферсмана принимает участие в первой советской метеоритной экспедиции. В 1929-ом Пётр Людовикович участвовал в экспедиции по изучению Тунгусского метеорита. Драверт исследовал обстановку падений и собрал новые образцы, описал некоторые случаи падения метеоритов и составил каталог ярких болидов, наблюдавшихся в Западной Сибири. Драверт изучил загадочное и редко наблюдаемое природное явление – аномальные звуки, сопровождающие полёт ярких метеоров. Он дал ему имя «электрофонные болиды», которое стало общепринятым. Одновременно с научной теоретической работой Драверт написал стихотворение «Болид» как раз о том феномене, который исследовал:

*Когда над смутною громадой древних гор
Медлительно скользит по небу метеор
И шелест слышится загадочный в эфире, –
Вперяя жадный взор в огнисто-дымный след,
Я думаю о том, чего уж больше нет,
О кончившем свой век каком-то малом мире...*

1 марта 1929 года в Омской области наблюдался яркий болид, который видели многие. Было высказано предположение, что он мог выпасть на Землю. Профессор Драверт обнаружил метеорит спустя почти восемь лет. Главный фрагмент весом около шести килограммов был найден в деревне Хмелевка в бочке с квашеной капустой. Метеорит употреблялся сельской семьёй в качестве гнёта за неимением других камней.

Будучи учёным-исследователем, Драверт одновременно пишет стихи и повести, состоит в писательском союзе. Именно он восстановил скелет мамонта, который первоначально экспонировался в здании сельскохозяйственного института, а после войны был передан музею. До последних дней своей жизни Драверт сотрудничал с музеем. Поистине бесценным даром можно назвать переданный музею после смерти учёного его личный архив. Он содержит не только семейные и личные документы, но и научные труды, часть рабочей переписки, а также очень интересные коллекции, собранные Петром Людовиковичем и его отцом.

Род Дравертов пошёл на Руси от прадеда поэта – пленного наполеоновского офицера, пожелавшего остаться в чужой стране навсегда. Все представители этой фамилии занимали в русском обществе довольно высокое положение; отец учёного был крупным чиновником (глава казанской судебной палаты), не чуждался естественных наук, состоял председателем географического отдела Уральско-Сибирской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге в 1887 году.

У деда Драверта, писавшего стихи, бывал, находясь в вятской ссылке, А. И. Герцен. Мать же, Варвара Дмитриевна, была воспитанницей Смольного института и ученицей известного филолога академика И. И. Срезневского.

Пётр Драверт родился 4 января 1879 году в семье крупного чиновника польского происхождения Людовика Станиславовича Драверта. Согласно семейной легенде, в Польше было две реки – Драва и Верта, они и могли стать основой для фамилии. В 1899 году П.Л. Драверт поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского государственного университета. Однако учёба растянулась на долгие годы из-за увлечения Драверта революционными идеями. В феврале 1901 года он был арестован за участие в демонстрации студентов и выслан в Пермскую губернию. Осенью возвратился в Казань, продолжил обучение в университете, однако уже в 1906 году Драверт был вторично сослан в Якутию на 5 лет за участие в революционном студенческом движении. Большой драматизм этому событию придало то, что председателем сессии Казанской судебной палаты, который решал судьбу Драверта, был... его родной отец. Людовик Станиславович не пощадил сына и собственноручно приговорил его к якутской ссылке.

Драверт не терял время в ссылке зря, он занимался минералогическими исследованиями в Якутском, Олёкминском и Вилюйском округах, принимал активное участие в изучении природы Якутской области. В 1908-ом по заданию якутского губернатора И. И. Крафта ездил в устье реки Лены для изучения флоры и фауны побережья; в 1909 году исследовал соляные источники – озёра Баян-Кель и Абалах и описал их лечебные возможности. Свои научные исследования он изложил в большом количестве работ и монографий, в частности, в объёмном труде «Материалы к этнографии и

географии Якутской области». Молодого учёного Драверта замечает академик В.И. Вернадский. Именно по его ходатайству вместо Якутии Драверт был направлен в ссылку в Томск под гласный надзор полиции. Здесь вышел сборник стихов «Под небом Якутского края», который принёс поэту широкую известность. А чуть позже ему разрешили завершить учёбу в Казанском университете. В 1914 году, спустя 15 (!) лет после поступления, Драверт окончил физико-математический факультет по специальности «минералогия», будучи уже сложившимся учёным. После окончания института Драверт начинает активнейшую научную деятельность, работая ассистентом, а затем профессором минералогии, геологии и геофизики в различных высших учебных заведениях Омска. В 1925–1927 гг. на юго-восточном берегу озера Жасыбай П. Л. Дравертом в одном из гротов были обнаружены и впервые описаны наскальные рисунки, выполненные охрой. Позже это место получило название «грот Драверта».

Профессору Петру Людовиковичу Драверту удалось записать от тунгусов (эвенков) одно предание-сказку. Оно гласит, что как-то раз молодая девушка возвращалась к себе в чум. Дорога шла мимо холма со старыми могилами, вершина его ещё озарялась розовым светом угасавшей зари. Вдруг девушка услышала доносившееся сверху пение и, взглянув на вершину холма, увидела там тени мёртвых, несущихся под этот напев в круговом танце. Она рассказала об этом тунгусам. С тех пор тунгусы и танцуют свой танец «ёхарьё» («иохор»). (Многие народы Севера пронесли через века особенности своего танца). Любуясь этим диким и странным танцем, сопровождаемым в виде припева непонятными древними тунгусскими словами «эхэкай-охокай», смысл которых уже давно утрачен, Драверт набросал в своём походном блокноте стихи «Танец тунгусов»:

Желтеют в просветах ветвей урасы.

Танцуют, сомкнувшись в кольцо, тунгусы,

Кружась на поляне широкой...

И у якутов (саха) сохранился особый ритуальный танец «Осуохай» («Жизненный круг»), проводимый во время праздника Ысыах («изобилие») в день летнего солнцестояния (между 10–25 июня) в честь божественных предков Айыы. Во время него танцующие, взяв друг друга за руки, перебегают с ноги на ногу, двигаясь, вокруг символа Мирового Древа (Аал Луук Мас) с привязанной к нему «крылатой лошадей», в неторопливом темпе по направлению движения солнца, как бы совершают круговорот во времени и пространстве и отдают дань благодарности светилу за свет и тепло, подаренные людям.

И бьется о груди столетних деревьев

Унылый, протяжный и странный напев –

Эхекай-охокай!..

Неведомы тайны умчавшихся снов.

Певцам непонятно значение слов,

Прошедших через долгие годы;

Но вызваны ими из глубины времён

Вожжи позабытых могучих племён

Суровой природы...

В целях познания и сравнения культур народов Севера сегодня есть необходимость чуть подробнее остановиться на этнических исследованиях Петра Драверта, ведь они открывают нам мудрость предков.

Круг – ключевой символ религиозно-культовых действий. Считалось, что только внутри круга можно достичь связи людей и божеств. Известно, что круг защищает от злых сил.

Осуохай (ударение на последний слог) – обрядовый хороводный танец возник в глубокой древности, как магический ритуал благодарения Солнцу у якутских кочевых скотоводов, которые были язычниками-солнцепоклонниками. Этот танец – сакральный, молитва Солнцу, благодарность его лучам. Не удивительно, что для края с такой длинной и суровой зимой самым почитаемым божеством стало Солнце.

*Уходят в движении солнца часы.
Ритмично ведут хоровод тунгусы
Под чашей лазури глубокой,
И с ними невидимо сонмы теней
Несутся в кровавом мерцании огней...
Эхекай-охокай!..*

Хоровод осуохай – это кульминация главного национального праздника Якутии, праздника лета – ысыаха, якутского Нового Года. Танцуют осуохай всю ночь, а иногда и трое суток, без остановок, участники меняют друг друга, отдыхают и снова возвращаются в круг. В хороводе присутствует ведущий (шаман-осуохайдьыт), в чьи обязанности входит исполнение песен, посвящённых окружающей реальности и возводящих хвалы всему, что происходит вокруг. Темп движения непостоянный, регулируется ведущим и ускоряется на припеве.

*До корня примята ногами трава.
Туманятся взоры; болит голова;
Уставший кольцо покидает.
Но в тесном сплетении дружеских рук
Смыкается снова танцующих круг,
И хор не смолкает.*

Каждый, кто входит в круг, заряжается энергией на целый год. Кульминация праздника – обряд окропления огня, травы и деревьев традиционным напитком, приготовленным

из кумыса. Считается, что впервые танец исполнило племя воинственных женщин («удаганок»), повторявших в танце движение священного существа – журавля (стерха; «кыталык») или «крылатой лошади» («ытык»).

Часто запевалы импровизируют и привносят свои индивидуальные нотки в сложившуюся канву танца. В круговых танцах, как и в эпических сказаниях, применяется рефрен – многократный повтор. Это – этикетное поведение древних якутов. Текст эпоса полон описаний архаичных, ритуальных поклонов. У якутов есть обычай прощаться перед самой смертью с Солнцем и родной землёй. Образ Солнца отражён в круговом танце осуохай. Продвижение в танце совершается по ходу солнца, виток за витком. Осуохай танцевали, чтобы установить связь между божествами и людьми в интересах племени, рода. Круговой танец по духу, структуре, архитектонике концептуально близок к эпическим образам.

*Мокры эттербезы от капель росы.
Но все еще в пляске идут тунгусы
Навстречу заре красноокой;
И предки их вместе с живыми поют,
Найдя в заколдованном круге приют:
Эхекай-охокай!*

Характерными символами круговых танцев являются: гора, столб, древо, костёр. В круговых танцах народов Южной Сибири и Центральной и Южной Азии центр круга играет особую роль.

Исполнение ритуальных действий и танцев на возвышенностях свидетельствует о стремлении людей в сакрально насыщенные области в целях создания необходимых условий для мистического общения с божествами. Столб и ось – архаические символы мира. В «Ведах» это мифологическое

изображение Брахмана, который служит опорой и космологической осью, поддерживающей мир. В ведийских текстах «опора», «столб», «основание» воспринимаются как изначальный символ оси мира. Такое осмысление мира широко задействовано в индийской духовной технике и духовных традициях. С осмыслением мира связаны и мотивы восхождения на небеса, магический полёт. А поклон – один из самых архаичных элементов танцевальной пластики. В нём отражена связь танца с верованием. Считалось, что слаженность и длительность танца способствуют исполнению желаний.

Летом 2012 года, когда столица республики Саха город Якутск отмечал свой 380-ый юбилей, праздничный хоровод ысыаха попал в книгу рекордов Гиннеса, как самый многочисленный танец. В круг осуохая встало больше 15 тысяч человек.

Зоркий взгляд Петра Драверта запечатлел особенности жизни северного народа и ныне позволяет современнику увидеть седую древность в танце. Такие вот параллели навеяло одно стихотворение поэта.

В 40-е годы П. Л. Драверт бедствовал, и В. И. Вернадский, получив в 1944 году Сталинскую премию, выкупил у Петра Людовиковича коллекцию минералов и метеоритов. Во время Великой Отечественной войны поэтом-учёным были созданы нужнейшие для военной промышленности работы: «О полезных ископаемых Тарского района» (1943), «Агрономические руды в Сибири» (1944), «О двух ископаемых» и др. – в которых велась речь и о снабжении фронта и тыла минеральными заменителями вместо дефицитного натурального строительного сырья. Он готовит научные статьи, ездит в геологические экспедиции (Поволжье, Урал, Башкирия), ищет полезные ископаемые, хотя в письмах признаётся, что «очень плохо себя чувствует». В доме обычно холодно, нет дров («не успел заготовить – был в экспедиции») – словом,

работает, невзирая на болезни. В последние годы жизни он состоял научным работником омского краеведческого музея, преподавал юннатам минералогию и работал над составлением единственной в СССР библиографии литературы по метеоритике.

Пётр Драверт был женат трижды. Единственное, что известно о первом браке – это то, что в 1901 году, когда Драверт находился в Казани, у него родился сын Леонид, впоследствии ставший экономистом. Его судьба трагична. 25 апреля 1938 года Леонид Петрович Драверт был осуждён Военной коллегией Верховного суда и приговорён к расстрелу. Место захоронения – Московская область, полигон Коммунарка. Реабилитирован в мае 1958 г. ВКВС СССР.

Второй женой Петра Драверта стала Нина Викторовна Селагина. Вскоре после женитьбы Драверта сослали в Якутию, и жена, как некогда декабристки, последовала за мужем. Там же, в Якутии, родились два их сына – в 1906 году Виктор, в 1909-м – Олег. Виктор Драверт, став лесоведом, пошёл по стопам не отца, а своего деда по матери, Д. Я. Далматова. Он получил в своё время известность своей работой о зубрах Беловежской пущи, за которую Лондонское зоологическое общество присудило ему золотую медаль. Виктор вспоминает: «Я – студент. Помню его лекции. Помню свой зачет у отца: он был ко мне – студенту – весьма придирчив, явно не желая делать каких-либо скидок на семейственность. Как-то на практических занятиях я рассыпал на пол коробку с образцами. Отец встал и заявил: «Студент Драверт! Я лишаю Вас права присутствовать сегодня на занятиях, но не снимаю с Вас обязанность узнать их содержание от Ваших коллег...». Только заступничество «коллег» спасло меня от довольно неприятного изгнания».

Последней, гражданской, женой Драверта стала Павла Константиновна Бадаева, которая была моложе мужа на двадцать пять лет (даже старший сын, Леонид Драверт, был старше её на три года). Они встретились в Омске в 1924 году в Сибачи (Сибирская сельскохозяйственная академия), где тогда училась Бадаева. А в 1978 году она передала в архив Академии наук СССР все имевшиеся у неё документы Петра Людовиковича. (Бадаева Павла Константиновна. Как было. Воспоминания о П. Л. Драверте. 1924 год). «...П. Л. часто читал стихи, чужие и свои, были и посвящения мне («Девушке с Охотского побережья», «Слепой дракон» и др.), из которых особенно полюбились мне «Для нас не журчали весною ручьи».

И ещё из специфической любовной лирики Драверта, густо перемешанной с романтикой Земли – геологией, – стихотворение «Четыре»:

*Одна мне сказала так ясно и чётко,
Прощаясь надолго со мной:
«Я Вас не забуду – и жду самородка
С верховьев Реки Золотой».*

*Другая, желая в дороге успехов,
Держа мою руку в своей,
Напомнила, чтобы кедровых орехов
Привёз я на праздники ей.*

*А третья, волнуясь неотданной силой,
В глазах обещање тая,
Шепнула: «Скорей возвращайся, мой милый,
И буду я только твоя...»*

*Я встретил четвертую... Россыпь хрустела.
Брусника меж кедров цвела...
Она от меня ничего не хотела,
Но самой желанной была.*

В марте 1931 года Пётр Драверт снова был арестован по обвинению в тесных связях с контрреволюционными элементами из среды интеллигенции и ведении (в 1920–1930) контрреволюционной агитации, направленной на срыв мероприятий советской власти. Отправлен в Новосибирск, допрашивался в составе группы омских учёных за участие «в контрреволюционной вредительской организации ОИС» (ОИС – Общество изучения Сибири и её производительных сил). Летом 1931 года «Дело ОИС» было отправлено на рассмотрение Особым совещанием коллегии ОГПУ, которое в октябре того же года вернуло его в Новосибирск, не увидев в этих материалах доказательств наличия «вредительской» организации. Драверт был освобождён в конце 1931 года.

С 1938 по 1940 гг Пётр Людовикович заведовал научной частью государственного заповедника Боровое (ныне казахстанский Государственный национальный природный парк «Бурабай»).

В годы Великой Отечественной войны Драверт подготовил большую сводку по полезным ископаемым Омской области, вёл опыты по использованию минеральных суррогатов для замещения дефицитного натурального сырья. Во время войны область лишилась большей части привозного сырья – железная дорога была перегружена. Необходимо было срочно наладить снабжение промышленности местным сырьём. Этим вопросом занялась областная лаборатория стройматериалов, директором которой в 1942 году назначили П. Л. Драверта. Основным направлением работы лаборатории было изучение использования местных строительных материалов и топлива.

Из более 130-ти научных работ, опубликованных с 1900 по 1945 год, к минералогии и полезным ископаемым относятся 70 работ, к метеоритике – 44, остальные посвящены вопросам географии, этнографии, землетрясениям, палеонтологии и другим темам.

О работоспособности и увлечённости своим делом Драверта ходили легенды. Однажды, уже будучи великовозрастным учёным, он увидел, что пошёл сильный град, почти ураган, с неба сыпались градины с куриное яйцо. Немощный и слабый Пётр Людовикович выскочил на улицу и начал собирать их. Позже Драверт писал друзьям: «Я сделал интересные наблюдения над морфологией градин и не жалею о тех синяках, которые получил».

Пётр Людовикович застал долгожданный День Победы, в которую он верил ещё в самом начале войны. Как актуально его стихи звучат сегодня!

Мы победим (1941)

*Уже не первый раз на Родину мою
Кичливый алчный враг упорно посягает,
Но неминуемо в чужом краю
Он гибельный конец бесславно обретает.*

*От крови опьянев, фашистская орда,
Грабительски катясь в угаре самомнения,
Напала яростно на наши города,
На мирные, в садах цветущие селенья.*

*Но, дерзко завязав теперь смертельную войну,
На что надеются безумные бандиты?
Им не сломить, не смять Советскую страну,
Мы в крепкий монолит союзом прочным слиты.*

*И цели дерзновенной не суждено достичь
Немецким палачам, коричневому сброду.
У нас в сердцах звучит, не умолкая, клич:
«За Родину, друзья, за честь и за свободу!»*

*Не оправдается разбойников расчёт;
И Красной Армии несокрушима сила,
И грозно встал в отпор великий наш народ –
Фашизму чёрная готовится могила.*

*Я верю пламенно – придёт урочный час,
В смятенье побегут непрошеные гости;
Но не спасёт ничто тогда, злодеи, вас,
И звери дикие растащат ваши кости!*

В запасниках Омского краеведческого музея хранится черновик дравертовского выступления, прозвучавшего по радио в конце июля 1941 года: «Граждане! Почти четверть века я живу в Омске, идя плечом к плечу с вами на путях нашего мирного строительства, дорогой поэта и научного работника. Сердце поэта бьётся в унисон с сердцем народа. Сердце русского учёного – это сердце советского гражданина. В эти дни навязанной нам войны, как нельзя более, чувствуется, что любая профессия должна быть у нас связана с делом обороны страны, с моральным и физическим уничтожением врага, перешагнувшего священные рубежи нашего Отечества. И, забывая тяжесть лежащих на моих плечах лет, я скажу: «Родина! Мысль о твоём благе владеет моим пером писателя, мои руки и глаза исследователя природы служили и будут служить тебе, пока бьётся моё сердце»».

11 декабря 1945 года он пишет своё последнее письмо-завещание: «Скоро два месяца решительно борюсь за жизнь

(болел крупозным воспалением лёгких с осложнениями). Вижу одним глазом, физически крайне истощён. Примите эти строки как дружеский привет от старого сибирского литератора! Моя просьба: идите прямым путём в своих изысканиях, ищите только правду и ратуйте за неё – матушку...». Получив от жены известие о Победе, Пётр Людовикович плакал... Он полностью выпил горькую и счастливую долю своей судьбы из «каменной чаши» бытия.

Пётр Драверт скончался 12 декабря 1945 года в Омске. Панихида проходила в морозный воскресный день 16 декабря в кабинете музея. Последним выступил преподаватель пединститута Н.В. Горбань, он, к удивлению публики, произнёс речь на латинском языке. Вокруг стояли друзья и почитатели Драверта, литераторы (среди них – молодой Сергей Залыгин, профессора омских вузов, цвет тогдашней местной науки). В 1979 году «Западно-Сибирское книжное издательство» выпустило книгу П. Драверта «Незакатное вижу я солнце», куда вошли почти все его поэтические и прозаические произведения. Именем Драверта была названа улица омского левобережья (ныне Бульвар литераторов), уникальное геологическое образование в Горьковском районе – «Берег Драверта». В Омской областной научной библиотеке им. А. С. Пушкина проходит научная конференция «Дравертские чтения». В 1946 году в Омский историко-краеведческий музей, по завещанию П. Л. Драверта, было передано его личное собрание из нескольких тысяч предметов (документы, фотографии, письма, коллекция экслибрисов, бон, монет России и Европы, минералов и многое другое). Имел собственный экслибрис, выполненный в 1933 году омским художником Е. А. Крутиковым.

Его стихи продолжают жить, они наполнены многообразием форм (особенно сонетами), нагружены точными срав-

нениями, эпитетами, учёной лексикой, пронизаны северным ветром, любовью к великой Сибири.

Несколько лет назад, познакомившись с незаурядной личностью П. Л. Драверга, я посвятил ему сонет:

*Где морошка алеет по тундре,
ароматом пронизана даль,
там становишься ясным и мудрым,
удивительным как никогда.*

*Тишину небывалую утром
разве можно кому-то отдать?
Она дышит во мхах тёмно-бурых,
о которых рыдать мне, рыдать...*

*А в урмане угрюмой Сибири
затаился дух древних глубин.
Как раздольно задумчивой ширью
льётся Обь в полноводье губы!*

*Словно мышка, шуршит строчка-отмель,
омывая песком кедра комель...*

